

МАРУША КРАМЕР

РЕАНИМАЦИЯ СУДЬБЫ

Марина Крамер
Реанимация судьбы
Серия «Закон сильной.
Криминальное соло Марины Крамер»
Серия «Клиника раненых душ», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44000779
Реанимация судьбы: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-106241-5

Аннотация

Странный телефонный звонок отца заставляет пластического хирурга Аделину Драгун принять в своей клинике женщину, нуждающуюся не в операции, а в помощи и защите. Надежда спасается от кредиторов, требующих вернуть долги ее матери. Новый хирург Игорь Авдеев тоже вызывает у Аделины много вопросов – прекрасный врач, он порой ведет себя довольно странно. Пытаясь разобраться в происходящем, Аделина выясняет, что Надежду и Игоря в прошлом связывали длительные отношения. И у Игоря есть тайна, которую он старательно хранит ото всех.

Марина Крамер

Реанимация судьбы

© Крамер М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Ошибаются те, кто думает, что Рай и Ад ждут нас после смерти; они с нами в каждый момент этой жизни.

Анхель де Куатье, «Яблоко Евы»

Аделина

Сентябрь

Самое неприятное по утрам – просыпаться не от звонка будильника, а от назойливого жужжания мобильного телефона на тумбочке. Человек, звонящий в половине седьмого утра, похоже, не отдает себе отчета в том, что своим звонком может выбить меня из колеи на весь день, а то и на всю неделю, если дело происходит в понедельник. Так уж я устроена – телефонные звонки никогда ничего хорошего в мою жизнь не приносили.

– Аделина, да возьми ты уже чертову трубку, – простонал

рядом муж, пряча голову под подушку. – У меня библиотечный день сегодня, надеялся выспаться...

– Прости... – Я с неохотой выбралась из-под одеяла и, прихватив телефон, вышла в кухню.

Звонил отец. Отец, пропавший из моей жизни так давно, что я уже и обижаться перестала, не общавшийся теперь со мной по два-три месяца, нашел время для душевного разговора. Понедельник, шесть тридцать утра. Ну что же, делаем вид, что я рада его слышать...

– Алло, – включая плиту и снимая с полки банку кофейных зерен, проговорила я в трубку.

– Деля, прости, что так рано, – в голосе отца слышались виноватые нотки, и это было странно, – но мне необходима твоя помощь.

– Помощь? Тебе? В Швейцарии закончились пластические хирурги?

– Не в этом дело.

– А в чем? – сразу насторожилась я, потому что вторым человеком, кому могла понадобиться моя помощь, был брат Николенька, третий год живший у отца.

– Есть одна девушка... словом, ей нужно какое-то время побыть там, где ее никто не найдет, так сложились обстоятельства. Пока оформляются документы на выезд, ей необходимо убежище, и я подумал, что твоя клиника...

– Отец, моя клиника – не перевалочный пункт для мигрантов.

– Может быть, ты сперва дослушаешь? От тебя ничего не требуется, я оплачу каждый день ее пребывания по максимальному тарифу.

– Дело не в деньгах. Есть такое понятие, как репутация.

– Тебе беспокоиться не о чем. Никакого криминала, я бы ни за что тебя не втянул во что-то противоправное. Я прошу тебя просто помочь человеку, оказавшемуся в тяжелой ситуации. У тебя наверняка есть хорошие психологи, я бы оплатил работу с ними, это необходимо.

– А я могу задать тебе вопрос?

– Конечно.

– Кем тебе приходится эта девушка?

Не знаю, как вообще у меня это вырвалось, почему при упоминании о какой-то незнакомке у меня внутри все заняло от неприятного предчувствия. И, задав вопрос, я вдруг поняла, что уже не хочу слышать ответ.

– Она дочь моего друга, – произнес отец, и я даже испытала разочарование, поняв, что ошиблась. Мне почему-то показалось, что речь пойдет о какой-нибудь его внебрачной дочери. – Аделина, я очень тебя прошу... – Тон отца вдруг изменился на почти умоляющий, и это было даже слегка неловко – мой отец владел крупной фирмой, работал на международном уровне и никогда ни о чем никого не просил. – Я должен ее выручить, но сделать это могу только с твоей помощью.

– Я поняла. Пусть приезжает, дай ей мой номер.

– Спасибо, дочь.

Хорошо, что в этот момент он не мог видеть выражение моего лица. Дочь...

– Кто это звонил в такую рань? – пробормотал сонно Матвей, сбрасывая с головы подушку.

– Отец.

– Да? – Мгновенно стряхнув остатки сна, муж сел в постели и посмотрел на меня внимательно. – И о чем речь?

– Сама не поняла, – призналась я со вздохом и завалилась на кровать, по-прежнему сжимая в руке телефон. – Но чувствую, что согласилась на какую-то аферу.

– Чего он хотел?

– Чтобы в моей клинике дождалась получения документов на выезд за границу какая-то дочь его друга. Понятия, кстати, не имею, о ком речь.

– А у тебя теперь отель со всеми удобствами?

– Вот я тоже об этом спросила, но отец вдруг начал говорить умоляющим тоном, и я... ну, понимаешь... короче, сломалась. Он меня никогда ни о чем не просил, хотя сам очень помог – помнишь?

– И ты решила, что обязана рассчитаться?

Я повернулась на правый бок, подперла голову кулаком и посмотрела на Матвея:

– Ты не одобряешь?

– Можно подумать, что-то изменится от моего неодобрения. Ты ведь уже приняла решение.

– Скажем так – я не отказала. Да и что может случиться, если одну палату займет какая-то девушка? Не обеднею.

И, словно в ответ на мои слова, телефон пискнул оповещением о пришедшем сообщении. Оно оказалось от отца, и текст гласил: «Мы не обговорили расходы. Не волнуйся, я все оплачу по банковским реквизитам, они у меня есть. Хорошего дня, Аделина». Я молча протянула телефон Матвею, тот прочитал и покачал головой:

– Не нравится мне это.

– Ты просто отца моего не знаешь.

– И что – он великий филантроп и благотворитель?

– Матвей, не смешно.

– Да я и не смеюсь. Ты столько раз рассказывала, что он спокойно оставил вас с матерью, исчез на долгие годы, а теперь убеждаешь меня в том, что его хобби – помогать попавшим в беду девушкам? Мягко говоря, странно.

Я вздохнула. Матвей был прав, а я просто подсознательно пыталась защитить отца – все-таки кровь, что ни говори, вещь сильная. Уж не знаю, что там за друг был и чем мой отец ему обязан, раз решил помочь его дочери, но мне почему-то хотелось, чтобы в отце было что-то... человеческое, что ли. В конце концов, ведь он помог мне в свое время, когда я уже почти потеряла клинику, разобрался и с кредиторами, и с шантажистами. Правда, мне всегда потом казалось, что сделал он это с единственной целью – чтобы на старости лет не мучила совесть за то, что в нашем с братом детстве его

не было. Но Николенька, периодически баловавший меня телефонными звонками и длинными, подробными письмами, утверждал, что отношения с отцом у него сложились самые что ни на есть родственные. Они вместе ездили на рыбалку, отмечали праздники – словом, вели себя как отец и сын, которые никогда и не расставались. Наверное, Николенька был слишком мал, чтобы ощутить тот вкус предательства, что ощутила я, когда отец ушел.

– Ладно, разберемся, – пробормотала я и села. – Пойду собираться, сегодня операционный день.

– В понедельник? – удивился муж. – Что вдруг?

– Так получилось. В ночь привезли кого-то из городской больницы, нужна сложная восстановительная операция.

– Вернешься поздно?

– Как пойдет.

– Тогда с меня ужин?

– Как хочешь, Матвей. Будет настроение – готовь, нет – обойдемся тем, что есть. – Я поцеловала мужа в щеку и отправилась в душ.

Надежда

Август

Это ужасное ощущение беспомощности, когда утром, открыв глаза, думаешь не о том, чем бы заняться, а о том, куда бы спрятаться и переждать еще один день. Так, навер-

ное, чувствуют себя преступники, понимая, что розыск объявлен. Но я-то ничего не совершила, я вообще ни при чем и до последнего не знала, что происходит. Жила себе, училась, работала, ходила с подругами в парк, в кино, покупала какие-то вещи, любила томатный сок и очень сладкий чай и даже представить себе не могла, что вся эта беззаботная жизнь закончится в одну секунду. Ровно в тот момент, когда моя мама шагнет с тротуара прямо под колеса грузовика.

Но я не подозревала, что смерть и похороны далеко не самое страшное. Самое страшное – это ощущение постоянной загнанности, опасности и тревоги, и абсолютная беспомощность. Я осталась один на один с такими проблемами, что смерть иногда виделась мне лучшим и легчайшим выходом. Как, видимо, показалось и маме, потому она и сделала этот страшный выбор. Иногда к ночи, поняв, что сегодня все еще жива, цела и невредима, я с ожесточением думала о том, что мама поступила очень эгоистично. Она избавила от проблем себя, но совершенно не задумалась обо мне, о том, что весь этот ком покатится в мою сторону. И кто знает, в какой момент я устану убегать или буду бежать медленнее, чем требуется.

Завибрировал мобильный – я давно уже перестала включать звук, потому что всякий раз вздрагивала всем телом от раздававшейся мелодии. Я вытянула руку из-под одеяла и взяла телефон, зажмурилась на секунду, решая, смотреть ли на экран или сразу сбросить звонок, но потом, открыв один

глаз, увидела, что звонит Света. Подруга осталась единственным человеком, с которым я теперь общалась и на чьи звонки непременно отвечала, иначе мнительная Светка тут же примчалась бы из любого конца города, бросив все дела.

– Алло, – хриплым от сна голосом проговорила я.

– Надюшка, привет. Ты что, спишь еще?

– А что мне делать еще? Во сне время быстрее проходит.

– Никуда не собираешься?

– Нет.

Сама мысль о необходимости выйти из квартиры казалась мне настолько ужасной, что даже мурашки побежали по спине. Дом виделся мне относительно безопасным местом хотя бы потому, что выламывать дверь никто не станет – соседи тут же в полицию позвонят, а вот на улице может случиться что угодно.

– Тогда я к вечеру приеду, привезу продукты, у тебя наверняка в холодильникемышь повесилась. Есть пожелания?

Пожеланий у меня не было, как, собственно, не было и денег на продукты. Зарплата еще не скоро, снова залезать в крошечную заначку не хотелось, да и для этого нужно было пойти в банк и поменять доллары на рубли, поэтому я решила пока продержаться на том, что еще осталось в доме – какие-то крупы, макароны, замороженные с прошлого лета овощи и ягоды.

Поняв причину моего молчания, Света решительно заявила:

– Надюшка, прекрати ломаться. Я предлагаю тебе помощь, а ты постоянно ее отвергаешь. Что, если бы я оказалась в трудной ситуации, ты не помогла бы?

– Помогла бы... – промямлила я пристыженно.

– Вот! А представь, что я всякий раз бы строила из себя непонятно кого и отказывалась – ты бы что почувствовала? – Я промолчала, и Светка торжествующе закончила: – Вот и веди себя прилично. Короче, буду около семи, позвоню прямо от подъезда. Целую, до вечера.

Она сбросила звонок, а я швырнула телефон на кровать и заплакала. Какое счастье, что у меня есть Светка... Не будь ее, даже не знаю, что бы я вообще делала. Это Светка поддержала меня после смерти мамы, помогла организовать похороны. Это у нее и ее мамы я жила неделю после них. Это Светка и ее мама-инвалид поддерживали меня, как могли.

Илана Григорьевна вообще стала чем-то вроде эталона стойкости, и всякий раз, когда мне хотелось опустить руки и перестать сопротивляться, я вспоминала ее хрупкую фигурку в инвалидном кресле и понимала – да ведь это же стыдно, имея две ноги и две руки, ныть и жалеть себя, когда немолодая женщина, не имеющая возможности передвигаться, мало того, что делает всю домашнюю работу, так еще и танцует. Да-да, Илана Григорьевна занималась в клубе танцоров-колясочников, даже ездила со своим партнером на конкурсы, к которым долго и тщательно готовилась, шила платья и тренировалась.

Я никогда не видела ее грустной, печальной, унылой или – не дай бог – злой. Она всегда улыбалась, даже рассказывая, как, например, тяжело на коляске попасть в магазин тканей или в бутик, торгующий камнями для расшивки костюмов.

Конечно, на фоне всего этого я казалась себе слабой и беспомощной нюней, но это довольно быстро проходило, едва я покидала квартиру. Все стены на площадке были исписаны красной краской – мое имя, фамилия и отчество, оскорбления, угрозы.

Коллекторы умеют нагнать страха и объяснить, что мои проблемы куда серьезнее, чем даже я сама могла бы себе нафантазировать. Никакие заявления в полицию, кстати, не помогали – ко мне никто не прикасался, в квартиру вломиться тоже не пытались, а испорченные стены в подъезде – ну что же, мелкое хулиганство, административный штраф. Если, конечно, удастся поймать вандала с поличным.

Домашний телефон я уже давно отключила, чтобы не вздрагивать всякий раз от звонков, раздающихся в любое время дня и ночи. Мужские голоса – каждый раз разные – произносили примерно одинаковый текст с угрозами, от которых у меня потом болело сердце. Мама-мама, что же ты наделала...

Игорь

На собеседование в эту клинику ему посоветовал прий-

ти старый приятель Филипп. Сам он оперировал тут уже несколько лет, был очень доволен и даже начал работать над диссертацией.

– Начальница у нас – закачаешься, – с восторгом рассказывал Филипп, расписывая Игорю перспективы, которые открывались перед хирургами в клинике. – Сама работает на износ и от нас требует.

– Старая дева, что ли?

– Ты что! – вроде как даже обиделся Филипп. – Она замужем, муж, кстати, раньше у нас работал, потом ушел в академию преподавать. И вообще – Аделина мировая тетка, всегда поможет, подскажет.

– Не люблю начальниц-женщин.

– Это сексизм, брат, – рассмеялся Филипп. – А вот поработаешь – поймешь, что ошибся.

Игорь признал ошибку в тот момент, когда оказался в операционной за одним столом с Аделиной Драгун. Никогда прежде ему не доводилось видеть такой ювелирной работы, такой четкости в движениях, выверенных, казалось, до мельчайших деталей. Игорь с удивлением отмечал для себя новые приемы, о которых раньше не слышал, старался запомнить все, что происходило сейчас на его глазах, потому что отдавал себе отчет в том, что все это очень пригодится в дальнейшей работе. И нет никакой разницы, у кого учиться – у мужчины или у женщины.

– Ну что, Игорь Александрович, каков прогноз? – умыва-

ьясь после операции, спросила Драгун.

– Когда пройдет курс реабилитации, не будет заметно даже швов. Я только не понял, как вы этого добиваетесь.

– Авторская методика, – коротко сказала она. – Со временем научитесь, у вас хорошие руки и есть потенциал. Почему кардиохирургию оставили?

– Не было перспектив, – уклонился Игорь.

– Я бы не советовала начинать наше сотрудничество с обмана, – спокойно заметила Драгун. – Я навела справки, и вас характеризовали как самого способного и перспективного из всех ординаторов. Ваш уход явился не очень приятной неожиданностью как для вашего наставника, так и для руководства больницы. Так как же насчет отсутствия перспектив?

«Если сказать, что дело в деньгах, буду выглядеть меркантильным рвачом, – лихорадочно искал оправдания Игорь, машинально намыливая руки под струей воды. – Да и не в том вопрос...»

– Кем он был? – вдруг спросила Драгун.

Игорь, вздрогнув всем телом, уронил губку в раковину:

– Кто?

– Тот пациент, из-за которого вы решили сменить специализацию?

Игорь, опустив голову, промолчал. Она попала в то самое больное место, которое он так старательно защищал от всех. Ни с кем и никогда Игорь Авдеев не обсуждал причины своего решения бросить кардиохирургию и заняться пластикой,

даже с мамой. Он чувствовал себя предателем, однако ничего поделать не мог – всякий раз, входя в операционную, он видел на столе не того пациента, что лежал там, а совершенно другого человека, и это видение, преследовавшее Авдеева долгие годы, мешало работать, мешало сосредоточиться. А когда в твоих руках человеческое сердце... ну, словом, в какой-то момент Игорь четко понял, что так продолжаться не может, он просто не имеет права подвергать опасности чужие жизни. Выходов было несколько. О переквалификации в какую-то из терапевтических специальностей Авдеев думать не хотел – не близко, неинтересно, не нравится. Уйти из медицины совсем казалось еще более невыносимым, чем стать терапевтом. Он ничего больше не умел и ничем не интересовался. Оставалось выбрать какую-то хирургическую практику, не требующую вскрывать грудную клетку. Игорь выбрал пластическую хирургию, прошел спецкурс, потом еще один, убедился, что неприятные ассоциации исчезли, а выбранная специализация даже нравится, начал поиски клиники. Хотелось работать не абы где, а там, куда идет больше пациентов, чтобы в потоке лиц совсем избавиться от своих демонов.

Рассказывать об этом Драгун он не собирался, как не говорил об этом ни с кем – привык подавлять эмоции и держать мысли при себе, так уж повелось примерно лет с двенадцати.

– Значит, не расскажете, – заключила Аделина, направляясь к выходу из предоперационной. – Дело ваше. Но имейте в виду – если ваши тайны начнут мешать работе, я без коле-

баний расстанусь с вами, каким бы блестящим хирургом вы ни были.

Игорь молча кивнул. Он знал, что ему предстоит еще ряд бесед с психологом – этого владелица клиники требовала ото всех, кто устраивался к ней на работу, а затем повторяла эти циклы раз в год, чтобы сразу отметить у своих врачей первые признаки профессионального выгорания или симптомы депрессии. Пациенты в клинику попадали очень разные, у некоторых были такие повреждения или врожденные дефекты, что это требовало от врачей определенного эмоционального напряжения.

Психолог Игорю неожиданно понравился – примерно его лет, с мягким голосом, спокойными движениями и тихой, неторопливой речью. «Интересно, гипноз не практикует? – подумал Игорь, представив, как этим своим голосом Иван Владимирович Иващенко погружает пациента в глубокий сон. – Я б не отказался пару часиков подремать под такое звуковое сопровождение».

– Расскажите о себе, – предложил психолог, расположившись в кресле напротив Игоря.

– Что именно?

– А что хотите. Например, какие любимые игрушки были у вас в детстве.

Совершенно невинный вопрос явно не таил в себе никакой угрозы, но Авдеев вдруг напрягся и почувствовал, как по спине ползет холодная струйка пота. Он изо всех сил вце-

пился пальцами в подлокотники кресла и пробормотал:
– Я любил читать книги. Игрушки не любил.

Аделина

Сентябрь

Такое ощущение, что у моей единственной подруги нюх на мои напряженные дни. Иначе почему же Оксана со своими проблемами обрушивается на меня ровно в тот момент, когда и без нее все идет наперекосяк? Определенно человек чувствует напряжение и тут же стремится его усилить. И ладно бы что-то серьезное, так ведь нет – очередная ЗНН. Забава на этой неделе – так я определяла мимолетные увлечения, которыми безработная Оксана развлекала себя в ничем не занятое время. Ни к чему серьезному это не приводило, но давало ей ощущение востребованности и неотразимости в мужских глазах. Ну а чем еще заняться женщине, сидящей дома?

Я настроилась выслушать очередную легкомысленную историю о поклоннике, которые, кстати сказать, становились все моложе – где их выкапывала Оксана, ума не приложу, – но все оказалось гораздо хуже.

Ничего более глупого она и придумать не могла. Опять этот плешивый режиссер Арсений Колпаков с истеричным характером и раздутым самомнением... Как вообще можно было обратить на него внимание, а уж тем более – вернуться

к нему после того, как он тебя кинул. Отсутствие у подружки элементарной гордости и хоть какого-то чувства собственного достоинства всегда меня удивляло и злило. Оксанка не была глупой, не была неинтересной или несимпатичной – и я никак не могла понять, что же толкает ее в объятия вот таких недомужчин, как Колпаков. Самое смешное, что она всегда выбирала именно таких – непригодных к жизни, погруженных в себя и мечтающих не о женщине, а о мамочке, которая будет вытирать им нос, протирать влажной салфеткой руки, собирать за ними по квартире носки и готовить овсянку по утрам. Кстати, что-то я не помню, чтобы она варила кашу Севе. Первое время, вернувшись к бывшему мужу, Оксана старалась держаться и хотя бы делать вид, что все поняла и сожалеет, но примерно через полгода все снова вернулось на прежние места – Сева готовил, ходил в магазин, зарабатывал деньги, а Оксана целыми днями капризничала, устраивала истерики и мучительно выдумывала поводы для ухода из дома, чтобы встретиться с очередным претендентом на звание «мужчины ее мечты». Таковых становилось все меньше, что, собственно, оправданно – возраст моей подружки приблизился к сорока, мужчины этой категории, как правило, уже давно женаты либо разведены и ищут девицу помоложе, а главное, без матримониальных притязаний. У Оксаны же по лбу бежала строка «ищу мужа», что, разумеется, мгновенно отталкивало возможных кандидатов. Кроме того, она так явно демонстрировала желание сразу раствориться в избраннике,

зажить его жизнью и завладеть его вниманием на сто процентов, что это тоже никак не могло способствовать развитию отношений. Мужчины стали пугливы и чувствуют возможный брачный капкан примерно за три километра. Потому оставались молодые непуганые юнцы, через неделю общения тоже растворявшиеся в сумерках. Но Колпаков...

– Ты совсем с ума сошла? – присев на подоконник в своем кабинете и закурив, поинтересовалась я. – Не помнишь, как он с тобой обошелся? Как вообще можно вернуться к человеку, который тебя уже кинул однажды? Я тебя еле вытащила тогда! Ты что же, снова хочешь оказаться в глубокой... – Я мучительно подбирала приличный эквивалент грубому слову, но в голову ничего не приходило.

– Ой, Драгун, хватит! – капризно велела Оксана. – Арсик все обдумал. С женой все равно редко видятся, она у него какая-то бизнесвумен, все мотается по командировкам. А у меня такая же ситуация – Севки вечно дома нет, а если дома – то по уши в своем ноутбуке. Что мне теперь – не жить?

– Ну, как знаешь, – сдалась я, понимая, что все равно не смогу ее переубедить, только время и нервы потрачу. – Просто будь чуть более разумной, чем обычно, а? Не хочу напоминать о том, что было не так давно.

Чуть более полугодом назад Оксана предприняла одну за другой две попытки суицида, и мне стоило огромных трудов сделать так, чтобы она не оказалась в психиатрической лечебнице. Наверное, стоило все-таки уложить ее туда хотя бы

на двадцать дней...

– Деля, я в порядке, – заверила Оксана бодрым голосом. – Все ведь хорошо. Я ему помогаю сценарий писать.

– О, начинается... – процедила я. – Опять сценарий? Что он на этот раз тебе пообещал? Деньги, славу, приз кинофестиваля – что?

Оксана обиженно замолчала, и я поняла, что попала в точку – именно этим Колпаков и взял тщеславную Владыкину. Разумеется, никаких денег он ей не заплатит, сделает все, чтобы в последний момент ее не оформили в съемочную группу, а о призах и прочем даже думать смешно – человек снимал такое тошнотворное «мыло», что перспектив не было никаких. Но Оксана, ослепленная, как обычно, страстью, ничего об этом думать, разумеется, не хотела. Сейчас Колпаков будет для нее талантливым, известным, блестящим, настоящей «звездой» (чьего имени, кстати, практически никто не знал). А потом мне, увы, как всегда, достанутся ее слезы и покаянные вопли на тему «как же я могла так ошибиться». Ничего нового...

– Ты, Делька, как была злая, так и осталась, – выдавила наконец подруга. – Никакое замужество тебя не изменило.

– Разумеется – я злая, потому что никогда не поддерживаю твоих глупых прыжков по разным койкам. А вот если бы кивала всякий раз согласно, была бы белая и пушистая, да? Ты, смотрю, забыла уже, как рыдала и мечтала вернуться к Севе. Так подумай вот о чем – ты исчерпала лимит его

терпения, и больше он тебя не простит. Просто подумай об этом между порывами неземной страсти к Колпакову. Он-то испарится, как в прошлый раз, а ты с кем останешься?

– Никуда он не испарится, – заявила Оксана. – Куда ему деваться? Он совсем с катушек съехал, без меня двух слов написать связно не может.

– Ну, это аргумент, конечно. Короче, Оксанка, мне надо идти, я работаю вообще-то.

– Понятно. А мне вот никуда не надо, я не работаю! – с вызовом бросила она.

– Ну, в этом не я виновата. Мне действительно пора.

Я не успела попрощаться – Оксана бросила трубку. Она же еще и обиделась, видите ли.

Открыв окно, чтобы немного проветрить кабинет, я посмотрела вниз. Клумба под окном полыхала оранжевым и фиолетовым – шафраны цвели, окружая астры. Уже начала желтеть листва, скоро пойдут дожди.

Не люблю осень – всегда подавленное настроение и полное нежелание выбираться из-под одеяла по утрам. Хотя в последнее время это не зависит от времени года.

Мне трудно уезжать из дома раньше Матвея, кажется, что это неправильно. А у него, как специально, лекции начинаются после одиннадцати, да и медицинская академия находится всего в трех остановках от нашего дома, он даже машину не всегда берет, пользуется трамваем. Меня все еще удивляло, что Матвей совершенно не тоскует по операцион-

ной, не вспоминает об операциях.

Он вполне доволен новой жизнью, новой должностью, новой работой, которая отнимает у него ничуть не меньше сил, чем практическая деятельность.

Он все время что-то пишет или читает, он вечно обложен книгами, тетрадами, какими-то записями – или часами торчит в кабинете и просматривает записи операций моей матери, перенимая у нее опыт в обучении студентов. Наверное, он просто нормальный. А я вот не могу представить себя вне операционной, не могу заниматься исключительно теорией. Даже в научной работе, которую мы с Матвеем ведем вместе, я всегда теряю интерес ровно в тот момент, когда приходит время излагать результаты на бумаге. Хорошо, что муж охотно берет эту часть на себя – с годами у него даже выработался собственный стиль. Так и живем – теоретик и практик...

– Аделина Эдуардовна! – на пороге кабинета возникла Алла, мой референт. – К вам можно?

– Да, входите. – Я спрыгнула с подоконника и одернула халат.

Аллочка, покачивая бедрами, проплыла к столу и положила на него папку:

– Вы просили результаты анализов пациента из седьмой палаты, доктор Васильков отправил.

– Спасибо.

Я надела очки и со вздохом открыла папку. Пациент из

седьмой палаты в последнее время занимал мои мысли почти постоянно – у него не приживался пересаженный кожный лоскут, и мы с Васильковым никак не могли найти причину.

Вот и сегодняшние результаты не приблизили меня к разгадке ни на сантиметр. Все в порядке – а лоскут отторгается, начинается нагноение. Я не люблю ощущение, когда не знаю, что делать и в какую сторону двигаться. Собственная беспомощность разочаровывает, и это хуже всего. Вроде все делаешь правильно, все умеешь, все знаешь – а результата нет. И выхода нет, и причины внятной – тоже.

И как раз в этот момент в дверь постучали. Это оказался психолог Иващенко. В последнее время он довольно часто заглядывал ко мне на чашку кофе в перерыве между пациентами.

– Не заняты, Аделина Эдуардовна?

– Нет, проходите, Иван Владимирович.

Психолог поставил передо мной поднос с двумя чашками кофе – он всегда ходил за ним в реабилитационный корпус, знал, что я не пью растворимый. Забрав свою порцию, он уселся на диван, закинув ногу на ногу, и поинтересовался:

– Вы чем-то озабочены?

– Что – морщины заметнее обычного?

Иван засмеялся:

– Нет. Лицо какое-то чужое.

– Похоже, зашла в тупик, – призналась я, отодвинув пап-

ку с результатами на край стола и снимая с подноса чашку с дымящимся кофе. – Физиологически все в порядке, а результат отрицательный.

– Не всегда выздоровление зависит только от физиологии, – отозвался Иван. – Иногда при внешнем благополучии у человека внутри происходит что-то такое, что никак не дает организму мобилизовать силы на восстановление после операции.

Я никогда не была сторонницей подобных теорий и не особенно верила в связь физиологического и психологического, но в практике Иващенко имелось несколько примеров, заставлявших меня уменьшить свой скептицизм. Может, он и теперь прав?

– Хирурги не всегда имеют возможность заглянуть пациенту в душу, у них просто нет на это времени, – продолжал психолог, держа перед собой чашку на блюдце. – А ведь порой недостаточно лечить только тело. Больная душа просто не даст ему возможности поправиться. В конце концов, болезнь – это сигнал о проблеме, о том, что, возможно, что-то не в порядке.

Я невольно поморщилась – иногда Иващенко, что называется, «заносило», и он начинал нести какую-то антинаучную, с моей точки зрения, ерунду. Такое впечатление, что перечитал статусов в какой-нибудь соцсети.

– Иван Владимирович, может, вы зайдете в седьмую палату? – попросила я, чтобы он не забрался совсем уж в дебри. –

Мне было бы интересно послушать ваше мнение.

– История на посту?

– Нет, у Василькова, он лечащий врач.

– Хорошо. Аделина Эдуардовна, скажите, а как попал в клинику доктор Авдеев?

Так, а вот и причина визита. Значит, сегодня у него была первая беседа с новым хирургом, и что-то там пошло не так, раз Иван не стал дожидаться второй и пришел ко мне.

– По рекомендации.

– А конкретнее?

– Басалаев порекомендовал, это его приятель, учились вместе. А что?

– Пока рано делать выводы, но мне показалось, что у Авдеева есть проблемы.

– Ой, покажите, у кого их нет!

– Но обычно люди на сеансе у психолога говорят о них, а не пытаются сделать вид, что это не так.

– Бросьте, Иван Владимирович. Вы же первый и являетесь довольно яркой иллюстрацией того, что не все и не всегда склонны говорить о своих проблемах.

Иващенко покраснел, вспомнив, как сам признался мне в том, что его пациентка выбросилась из окна, только в тот момент, когда ситуация повторилась уже в моей клинике. К слову, это была моя подруга Оксана, которой Иващенко потом здорово помог, словно компенсируя себе то, первое, самоубийство пациентки.

– Здесь немного другой случай. Мне кажется, корни его проблем лежат в детстве.

– Типичная реакция психолога, – улыбнулась я. – Во всем, что с нами происходит, виновато наше детство.

– Не совсем так. Но в ситуации Авдеева именно в детстве случилось что-то, о чем он до сих пор не хочет говорить. И это его гнетет. Но говорить об этом Авдеев не хочет.

– Может быть, ему просто нужно время? Все-таки новый коллектив, новые условия работы, да и специализацию он получил не так давно, переквалифицировался с кардиохирургии. Кстати, а вам не кажется странным такой поворот? – вдруг спросила я, глядя на Иващенко в упор. – Проработать несколько лет в такой перспективной области, считаться одним из лучших – и вдруг взять и уйти в пластику?

– История знает массу примеров, – улыбнулся Иващенко. – Да вот хотя бы супруга вашего взять.

– Матвей был общим хирургом.

– А я не об этом. Ведь он был блестящим пластиком, насколько я понял из разговоров в ординаторской. К сожалению, я мало знаком с вашим супругом, чтобы знать его с профессиональной точки зрения. Но коллеги-то врать не станут. И променять практическую деятельность в области, где у тебя все было отлично, на преподавательское кресло в академии... – Иващенко развел руками. – Тоже странно, правда?

У меня внутри снова всколыхнулось то, что я так старательно давила все два года с того момента, как Матвей после

ранения в грудь принял решение больше к столу не вставать. Надо же – только на днях об этом думала, кажется, даже сегодня с утра...

– Это решение не было спонтанным. Физическое состояние не позволило продолжать работать, потому Матвей и ушел.

– Но вам-то это кажется неправильным?

– При чем тут мое мнение? Он взрослый человек, вправе выбирать, где работать и кем.

– Вы лукавите, Аделина Эдуардовна, – уличил меня психолог, и я подумала, что все время в наших разговорах забываю о его специальности. Врать я умею довольно плохо, и ему не составляет большого труда эту ложь заметить. – Вы до сих пор не можете смириться с тем, что супруг бросил то, что получалось у него практически безупречно. Вам кажется, что принятое им решение неверно, и вы подсознательно пытаетесь повлиять и заставить его изменить.

– Ну, неправда! Я ничего не пытаюсь изменить, да это и бесполезно. Матвей так решил – мне осталось только принять.

– Принять – да, но смириться... – Иващенко покачал головой. – Смириться с тем, что лично вы считаете неправильным, вам, Аделина Эдуардовна, никак не удастся.

Я вдруг разозлилась. Манера Ивана вот так бесцеремонно порой влезать в мою голову во время разговоров за чашкой кофе раздражала с первого дня, я неоднократно просила

его не превращать наши беседы в сеансы психоанализа, но Иващенко нет-нет да и забывался, что вызывало у меня приступы гнева и паники одновременно. Как будто я боялась, что почти прозрачные глаза психолога видят меня насквозь, а это крайне неприятно.

– Иван Владимирович, – начала я, закипая.

Иващенко уже довольно хорошо меня изучил, а потому поднял вверх руки:

– Я понял, Аделина Эдуардовна. Закругляюсь. А насчет Авдеева... думаю, мне удастся со временем его разговорить.

– Постарайтесь. Будет жалко, если из-за каких-то детских травм мне придется попрощаться с перспективным хирургом.

Иващенко поднялся с дивана, забрал обе чашки и поднос и покинул кабинет, оставив меня вновь давить в себе негодование, досаду и – что греха таить – обиду на Матвея за принятое пару лет назад решение.

Надежда

Август

– Ну что, курица, когда деньги возвращать начнешь?

Я ускорила шаг, втянула голову в плечи и пожалела, что не взяла наушники – могла бы сейчас включить музыку на всю громкость и не слышать противного голоса за спиной.

Молодой мужчина в голубой ветровке и синих джинсах

шел за мной от самого подъезда и то и дело произносил какую-то угрожающую фразу.

Он не приближался ко мне настолько, чтобы я могла расценить это как домогательство и закричать, но шел на таком расстоянии, чтобы я могла отчетливо слышать то, что он говорит.

– Думаешь, у нас терпение железное? Погоди, вот надоест базарить, начнем действовать.

Какого черта я вообще вышла на улицу?! Ведь Светка сказала, что приедет и привезет продукты, зачем было идти самой? Не сделала бы мне погоды эта бутылка молока, из которого я собиралась испечь блинчики и нафаршировать их остатками вареной курицы и рисом. Хотела встретить подружку горячим ужином, а как же...

Мужчина не отставал от меня, так и держался на расстоянии трех шагов – наверное, со стороны ничего необычного в этом не было, ну, подумаешь – идет мужчина по своим делам позади женщины. Если бы не то, что он говорил... Из переулка показался наряд полиции, и я решилась. Ускорив шаг, я направилась к ним и попросила:

– Помогите, пожалуйста. Меня преследует вот этот человек. – Обернувшись, я поняла, что выгляжу душой – моего сопровождающего нигде не было. – Ой...

– Неудачный способ завести знакомство, девушка, – хохотнул один из патрульных. – Но оригинальный. Телефончик оставите?

– А... что? Извините, – опомнилась я. – Извините, мне показалось...

Я обогнула патрульных и устремилась к крыльцу супермаркета, надеясь, что ни они за мной не пойдут, ни тот мужик не объявится – наверняка понял, что я за помощью, и свернул то ли в табачный магазин, то ли просто в подворотню.

Оказавшись в магазине, я почувствовала некоторое облегчение – тут, в конце концов, люди, да и камеры видеонаблюдения тоже, так что со мной ничего не произойдет. Толкая перед собой тележку, я рассеянно оглядывала полки и никак не могла сообразить, что же нужно – растерялась и не могла собрать мысли в кучу.

– Так, Надя, спокойно, – пробормотала я вполголоса. – Начнем сначала. В холодильнике вареные грудки и рис, немного грибов... так... это начинка для блинов. Молока нет, муки тоже... идем в молочный отдел.

Мне всегда помогало, если я произносила что-то вслух – даже работая, старалась использовать эту особенность, на слух любая проблема воспринималась иначе, и решение находилось почти сразу. Я работала редактором в одном интернет-издании, это давало мне возможность не выходить из дома, а отсылать материалы по электронной почте. Деньги небольшие, решить с их помощью свалившиеся на мою голову проблемы, конечно, невозможно, но хоть что-то... Это, плюс поддержка Светки и ее мамы, давало мне возможность

выжить.

В тележке оказался пакет самого дешевого молока, килограммовый пакет муки, маленькая баночка сметаны. Страшно хотелось мармелада «лимонные дольки», но это, увы, было уже расточительством. Зарплата придет только через неделю, и надо как-то еще до нее дотянуть.

Я уже направилась к кассам, когда путь мне преградил тот самый мужчина в голубой ветровке. Я почти уперлась в него тележкой, отскочила, пробормотав извинения, а он, перекидывая из руки в руку пачку перетертых томатов, вдруг ухмыльнулся, сделал шаг и сжал пачку в кулаке так, что она лопнула, а содержимое выплеснулось на мои белые кроссовки отвратительной красной жижей. Бросив пачку мне в тележку, мужчина развернулся и спокойно пошел к выходу, а я, как замороженная, смотрела на испорченные кроссовки и прикидывала, сколько могла стоить эта клятая пачка томатов. Наверняка больше, чем я готова заплатить...

– Алло, деятьель! – вдруг раздался мужской голос. – Я тебе, тебе! – Меня обогнул высокий широкоплечий мужчина в толстовке и спортивных брюках. Он догнал моего остановившегося обидчика и произнес: – За хулиганство хочешь присесть?

– Какое хулиганство? – широко улыбнулся тот. – Деваха пачку помидоров раздавила, я-то при чем?

– Я спросил – извиниться за хулиганство не хочешь?

– Да пошел ты! – огрызнулся мой преследователь и повер-

нулся, чтобы уйти, но тут же оказался на полу, придавленный сверху коленом мужчины в толстовке. – Ты че?! Отпусти, сказал!

– Безусловно, – кивнул он. – Только сперва ты извинишься, а потом рассчитаешься за то, что испортил. Внятно объясняю?

– Да тебе что надо-то?

– Не люблю, когда девушек обижают – так устроит?

Мужчина в толстовке помог моему преследователю подняться и повел его к кассе, прихватив мою тележку и кивком головы велел идти следом. Я так оторопела, что послушно пошла, не понимая, что вообще происходит. У кассы, производя все расчеты, он выпустил руку обидчика и посоветовал:

– В другой раз хорошо подумай. А теперь быстро скройся, чтобы я тебя через минуту не нашел.

Мой преследователь не заставил себя упрашивать и покинул супермаркет, даже не оглянувшись в мою сторону.

– Ну, давайте я вас провожу, что ли, – предложил мужчина, когда я сложила в пакет свои покупки и наскоро вытерла кроссовки влажными салфетками.

– Спасибо... вы мне и так помогли. Я рядом живу, дойду.

– Нет уж, я привык доводить начатое до конца. Кстати, меня Максим зовут, – представился он. – Вы не бойтесь, я приставать не буду, просто провожу до подъезда.

Я пожала плечами. Наверное, в моей ситуации лучше было бы не доверять незнакомцам, пусть даже они помогают

в чем-то, но этот Максим внушал доверие. Ну, проводит он меня до подъезда – в чем проблема? Еще светло, на улице народа полно. Да и этот обиженный в голубой ветровке может ждать меня на крыльце магазина, например. Или кто-то из его напарников...

– Ну что, идем? – предложил Максим и подхватил с кассы мой пакет. – Выпечку любите?

– Не особенно. Хотела блинов вот... подруга придет в гости.

– Я почему спрашиваю... – выпуская меня из магазина и придерживая дверь, объяснил Максим, – сейчас редко девушки что-то пекут.

– Ну да! Вы в Инстаграм загляните – там же сплошь кондитеры.

– Нет, я не про тех, кто этим зарабатывает. Вот просто так, дома, в выходной, например... Я с детства привык, чтобы в субботу в квартире пирогами пахло или тортами какими-то. Мама моя это очень любит.

– Она кондитер?

– Она? Нет, она бухгалтер. Между прочим, я так и не узнал, как вас зовут, – без перехода заявил Максим.

– Надя. А вы каким видом единоборств занимаетесь?

– С чего вы решили, что я чем-то занимаюсь?

– Очень профессионально уложили того парня на пол.

– Никогда не думал, что девушка способна понять разницу между профессиональным захватом и просто ударом в

драке.

– Ну, если у нее отец был тренером – то способна.

Максим слегка замедлил шаг:

– То есть?

– Мой папа всю жизнь занимался карате, даже в тюрьме в свое время отсидел за это – ну, знаете, когда оно было запрещено, сроки давали за преподавание. Его друг выручил. Потом папа долго в своем клубе подростков обучал и даже нескольких чемпионов вырастил.

Максим замер на месте как вкопанный:

– Пойдите... ваш отец – Евгений Закревский?

– Да. А как вы догадались?

– Да я с пацанов еще в его клубе занимался! Я же под его руководством и пояс черный получил! Надо же! – Он радовался так искренне, что даже при самой высокой степени подозрительности невозможно было подумать, что он не искренен. – Надо же... – повторил Максим и добавил, чуть успокоившись: – Для меня было большим ударом, когда я из армии пришел и узнал, что он погиб.

– Да, случайность... пьяный водитель, лобовое столкновение... – пробормотала я. – Он мгновенно умер, даже, наверное, понять ничего не успел...

– Простите, – огорченно произнес Максим. – Не хотел напоминать...

– Ничего... это уже давно было, почти не больно... – но я, не сдержавшись, всхлипнула.

Максим решительно потянул меня за руку к скамейке:

– Давайте-ка посидим, успокоимся, хорошо? То-то я и подумал, почему мне кажется таким знакомым ваше лицо, хотя я мог поклясться, что никогда прежде вас не видел.

– Да, я очень на папу похожа, говорили – одно лицо.

– Ваш папа очень хороший человек был, – серьезно сказал Максим, глядя мне в глаза. – Он меня, можно сказать, от тюрьмы спас, когда мне шестнадцать исполнилось. Я с компанией связался... стыдно сказать – мелочь отжимали. Евгений Михайлович к участковому сам ходил, на поруки меня брал. Заставил в зале вкалывать с утра до ночи, из школы под конвоем забирал. И своего добился – я начал соревнования выигрывать, пояс за поясом получал. И в армию он меня идти уговорил. Я в десантных войсках служил, там вся его наука пригодилась.

Ну, в этой истории не было ничего уникального. Мой папа был одержим карате и тем, что постоянно возился с так называемыми трудными подростками. Дома у нас то и дело кто-то ночевал, делал уроки или просто приходил поужинать. Мама ворчала, но папе не возражала, понимая, что для него это почему-то важно. Она только однажды рассказала мне о том, как ждала его из заключения – они еще не были женаты, и мои дед и бабушка отговаривали ее «связываться с уголовником», но мама стояла на своем и дождалась – вместо двух лет папа отбыл всего год и вернулся. Они поженились, через два года родилась я, а еще через два папа сно-

ва занялся любимым делом, оставив работу в автосервисе. Но теперь он делал это уже официально, открыл свой клуб, набирал учеников, возил их на соревнования. И параллельно «воспитывал заблудших», как называла это мама. Так что Максим наверняка не врал, рассказывая о своем.

– А сейчас вы чем занимаетесь? – спросила я, разрывая неловкую паузу.

– Работаю начальником службы безопасности в банке, – улыбнулся Максим. – Просто в отпуске сейчас. Окончил университет, если интересно. А вы?

– А я редактор на портале «Новости города». Тоже, между прочим, университет окончила, филфак.

– Там всегда учились самые интересные девчонки. – И мне совершенно не показалось, что этими словами Максим хотел как-то особенно мне понравиться.

Я никогда не обольщалась по поводу собственной внешности, да и мама с детства культивировала во мне совсем другое – любовь к чтению, к хорошей музыке, к театру. А внешность... ну, повезло родиться не уродливой, и уже хорошо. На самом деле меня вполне можно было считать симпатичной – мне достались отцовские черты лица, а он был по-настоящему красивым человеком, с прямым тонким носом, с выразительными голубыми глазами и высоким лбом.

Во мне это все повторилось чуть менее выразительно, но не портило, как считала бабушка, а даже наоборот. Но мама делала акцент на внутреннем развитии, а не на том, как бы

приукрасить то внешнее, что дала природа. В итоге даже наносить макияж меня учила Светка, когда мы уже заканчивали университет.

«Интересно, женат ли он? – думала я, исподтишка рассматривая сидящего рядом со мной Максима. – Конечно, женат – ну, не может же такой мужчина быть свободен. И дети наверняка есть». Женатые мужчины всегда были для меня темой закрытой – не брать чужого в нашей семье являлось законом.

– Я вас, наверное, задерживаю...

– Что? А, нет. До тренировки еще полчаса, тут рядом.

– Вы всё еще тренируетесь?

– Конечно. Карате – это как кровообращение, нельзя останавливаться. Да и не хочется. А вы куда-то торопитесь? – спросил он и тут же вспомнил: – А, ну да – подруга же и блины. Получается, это я вас задерживаю.

Мне почему-то не хотелось уже ни блинов, ни Светкиного визита, но пришлось встать со скамьи и направиться в сторону дома, мучительно гадая, женат ли мой новый знакомый и попросит ли он у меня номер телефона. Который, кстати, я дала бы ему без колебаний.

Игорь

После беседы с психологом он всю ночь не спал, ворочался в постели, садился, вставал, открывал настежь окно,

впуская в комнату холодный осенний воздух, пахнувший дождем, мокрой листвой и опавшими с дерева крупными рванетками – первый этаж позволял услышать даже это. Вернувшись в постель и сунув голову под подушку, Игорь вновь и вновь пытался уснуть, но ничего не получалось. Хорошо, что день предстоял не операционный, после обхода можно заняться так и не законченным вчера описанием операции – интересно, Драгун это заметит или нет? Игорь никогда не оставлял протоколы на завтра, но вчера просто не смог заставить себя сосредоточиться и последовательно, шаг за шагом, написать то, что делал в операционной. Он даже машину оставил на парковке клиники, побоялся сесть за руль, вызвал такси, так что утром придется сделать то же самое.

«Надо брать себя в руки, – снова перебравшись из постели в кухню и закуривая очередную сигарету, подумал Игорь. – Нельзя в таком виде на работе появляться, кто-то может заинтересоваться. Черт побери этого Ивана! И Драгун с ее дурацкими правилами... А может, ну ее к ляду, эту клинику? Найти другую не проблема, меня куда угодно возьмут, – мелькнула малодушная мыслишка, но тут же исчезла. – Нет, лучше не найду. Да и стыдно – что я, барышня какая? Мало ли, что там у меня когда было. Нужно уметь не жить прошлым. Важно ведь, какой я хирург и как я владею собой. Да, вот с этим, пожалуй, проблема пока, но ничего. Я справлюсь».

Выбросив окурок в ведро, он вернулся в спальню и лег,

закинув руки за голову и глядя в потолок.

– Красиво живете, Игорь Александрович, – поддела его у шлагбаума старшая сестра операционного блока Лена, хорошенькая белокурая толстушка с яркими синими глазами – с ней Игорь познакомился, пожалуй, пока лучше, чем с остальными коллегами. – На такси разъезжаете.

– Это вроде того, что наши люди в булочную на такси не ездят? – отшутился Авдеев фразой из фильма.

Лена рассмеялась каким-то особенным смехом, словно накатывавшим волнами, и у Игоря почему-то сделалось тепло внутри.

– Любите этот фильм? – спросила она, перекинув сумку с одного плеча на другое.

– Да, очень. А вы?

– Я больше «Джентльменов удачи» или «Кавказскую пленницу».

Они шли по аллее к лечебному корпусу, Лена то и дело поддевала носком туфли попадавшие на дорожке желтые листья, и Игорь вдруг подумал, что хорошо вот так просто гулять и ни о чем не думать. И хорошо бы, чтобы рядом кто-то шел – та же Лена, пусть на ее руке и поблескивало тонкое обручальное кольцо. Дело же совершенно в другом, тут не о чувствах речь, а о том, что с человеком просто приятно идти и разговаривать о чем-то, совершенно не касающемся медицины.

– Вам в нашей клинике нравится? – спросила вдруг Лена.

– Я пока не совсем освоился, – честно признался Игорь, вытаскивая пачку сигарет и зажигалку. – Не возражаете, если я закурю? У нас еще достаточно времени, можем немного на улице постоять.

– Курите, мне-то что? Давайте тогда на лавку сядем, она сухая вроде, дождя-то ночью здесь, судя по всему, не было.

Они повернули в боковую аллею и сели на лавку с высокой кованой спинкой. Игорь закурил, Лена вынула из сумки зеркальце и критически рассматривала свое отражение.

– Не совсем, значит, освоились, – повторила она, щелкнув крышкой зеркала и убирая его в сумку. – Ну, это и понятно – и клиника большая, и персонала много, и правила не такие, как в других больницах.

– А вы тоже к психологу ходите?

– Конечно. Это для всех обязательно. А что такого? Иногда нужно с кем-то поговорить о том, что, например, дома не расскажешь.

– А психолог потом эти разговоры начальству озвучивает? Лена удивленно посмотрела на него:

– Да вы что?! Конечно нет.

– Но вы ведь не можете этого знать.

– Могу, – уверенно заявила она. – Я однажды ему такого про шефиню наговорила – не дай бог, аж самой потом стыдно стало. И самое главное – ну, ведь я сама виновата была, и отчитала она меня не при всех, а в своем кабинете... И знаете что? До сих пор ничего в поведении Аделины Эдуардовны

по отношению ко мне никак не поменялось. Как общалась, так и продолжает. Значит, Иващенко ей ничего не передал.

«Ну, это не показатель, – подумал Игорь, затягиваясь сигаретным дымом. – Такие мелочи, как личные обиды персонала, вряд ли интересуют главу клиники – ну, мелко это для ее масштаба. А вот психологические проблемы хирургов...»

– Вы просто еще мало здесь проработали. Пройдет время, вы привыкнете, поймете, как тут что устроено, и станет намного легче.

– Почему вы решили, что мне трудно?

– У вас в операционной очень напряженная поза, – объяснила Лена, и Игорь поразился ее наблюдательности – за все время она зашла в операционную всего пару раз, а вот успела отметить, что он словно не в своей тарелке. – Я понимаю, трудно после кардиохирургии...

– Везде свои нюансы, – пожал плечами Игорь. – А насчет позы вы, пожалуй, правы. Я уже давно не был ассистентом, в основном сам оперировал, теперь не в своей тарелке себя чувствую. Но это пройдет.

– Конечно, пройдет. Шефиня сказала – вы очень способный, а она редко о ком такое говорит.

Игорю, конечно, польстила такая оценка его возможностей, но про себя он подумал, что Драгун могла бы сказать об этом и ему тоже, а не ограничиться вопросом об умершем пациенте, из-за которого он решил сменить специализацию.

Он привык к похвалам – на прежнем месте работы его ценили и прочили в скором времени на место заведующего отделением. В пластической хирургии ему придется начинать все заново, и продвигаться, очевидно, предстоит куда медленнее.

Лена, как показалось Игорю, все-таки слегка флиртowała с ним – кокетливо теребила конец яркого шарфика, смотрела, чуть склонив к плечу голову, улыбалась загадочно. Авдеев знал, что привлекает женщин, но серьезных отношений на работе взял за правило не заводить, а вне работы времени почти не оставалось. Именно так из его жизни ушла первая настоящая любовь, яркая, смешливая девушка, всегда вызывавшая ощущение праздника. Не выдержала его графика, постоянной горы книг и журналов на столе и отсутствия выходных и совместных праздников. Она, редактор, никак не могла понять, что это такое – не уметь выбрасывать из головы работу ровно в тот момент, когда переступаешь порог больницы. Возможно, потому, что в ее практике не было сложных пациентов, не думать о которых невозможно. Они были вместе пять лет, но пожениться так и не успели – то ли не решились, то ли просто пропустили момент, в который это было бы уместно. Жили и жили, не задумываясь о штампах в паспортах или о чем-то еще. Детей она планировала только после тридцати пяти, а Игорь не настаивал, понимая, что сейчас не сможет уделять ребенку столько внимания, сколько это необходимо, чтобы быть хорошим отцом.

Может, это и к лучшему, часто думал он после ухода любимой, как ему казалось, женщины, а то сейчас бы пришлось вырывать воскресные дни для общения, решать какие-то проблемы. Он даже не мог решить, огорчился ли, когда она собрала вещи и переехала на съемную квартиру. Мама, когда была жива, не одобряла выбор сына, хотя вслух этого не говорила. Но по ее поджатым губам, по скептической ухмылке Игорь отчетливо понимал – не о такой жене для него она мечтала. Хотя маму, пожалуй, не устроила бы никакая женщина рядом с ним – они все оказались бы недостойны ее талантливого Игорька. После ни одного более-менее серьезного или хотя бы продолжительного романа в жизни Игоря Авдеева так и не случилось, хотя прошло уже больше трех лет.

Но и старательно кокетничавшая сейчас с ним Лена тоже не годилась – замужем, сотрудница – нет, на это Авдеев никогда бы не решился. Выбросив окуроч в урну, он поднялся и подал Лене руку:

– Идемте, Елена Сергеевна, пора работать.

Аделина

Сентябрь

Дождь зарядил еще с вечера, я долго сидела в припаркованной машине, не решаясь открыть дверку и окунуться в настоящий водопад. Ливневка не справлялась, и я понима-

ла, что ноги окажутся в воде по щиколотку, прощайте, новые туфли. Зонта тоже не было – привычка ездить на машине отучила меня таскать с собой ставший ненужным предмет. Ненужным, как же! Природа сегодня решила мне доказать обратное. Глядя на темные окна квартиры, я понимала, что Матвея дома еще нет, а значит, он тоже переживает ливень на работе. Делать нечего, нужно идти...

До подъезда было всего несколько метров, но и их хватило для того, чтобы намокнуть до последней нитки. Консьержка сочувственно покачала головой:

– Что ж вы без зонтика-то, доктор?

– Надеялась, что пронесет, – рассматривая образующуюся вокруг меня на кафельном полу подъезда лужицу, пробормотала я.

– Вы бы сразу под теплый душ да чайку горячего с медом, – посоветовала она. – Не то простудитесь.

– Да, спасибо... обязательно... – проговорила я уже из-за почти закрывшейся двери лифта.

Дома, сунув мокрую одежду и белье в стиральную машину, я, по заветам консьержки, встала под горячий душ и почувствовала, как согреваюсь. Хотелось в постель, под теплое одеяло, но нужно готовить ужин, раз уж в кои-то веки я оказалась дома раньше мужа.

Обнаружив в холодильнике стейки лосося, я быстро замариновала их в травах, лимонном соке и оливковом масле, сделала легкий салат и уселась с ноутбуком за стол в кухне.

Стейки я успею пожарить, когда придет Матвей, на это нужно всего пять минут, а пока есть время, просмотрю материалы к новой статье, которые все никак не могу осилить.

В домофон позвонили в тот момент, когда я про себя страстно спорила с автором одной из монографий, подвергая сомнению его выводы – у меня имелись собственные наблюдения, и они явно шли вразрез с теми, что я сейчас читала. «Странно, чего это Матвей в домофон звонит, ключи, что ли, забыл?» – подумала я, нашаривая под стулом тапки и направляясь в коридор. Но это оказалась Оксана. Не скажу, что появление подруги вечером после довольно напряженного дня на моем пороге здорово меня порадовало. Но, с другой стороны, она приехала без звонка, в такую непогоду, а это значило... Да что угодно это могло значить, напрасно я пыталась уговорить себя сделать лицо поприветливее – наверняка сейчас расскажет очередную драму из жизни киношников.

С Оксаны в буквальном смысле текло – она стояла на коврик у двери и даже не шевелилась, потому что с ее юбки, короткого легкого пальто и волос лилась вода. Зонта у нее тоже не было, а, судя по совершенно синим губам и покрасневшему носу, пробыла она на улице не десять минут.

– Ты с ума сошла – в такой дождь без зонтика?

– Так не передавали же... – проскулила Оксанка. – Дай что-нибудь сухое, а?

Мы с Оксаной находились в слишком разных весовых ка-

тегориях, чтобы ей подошла какая-то моя одежда, потому пришлось наведаться в гардероб Матвея и взять там с полки простую футболку в упаковке.

– Я тебе еще полотенце большое дам, вокруг бедер обмотаешь, – помогая ей избавиться от мокрых вещей, сказала я. – Беги скорее в душ, грейся, я чай поставлю.

Пока Оксанка шумела водой в ванной, я унесла в кабинет ноутбук, включила чайник и налила в вазочку малиновое варенье – оно водилось в нашем доме благодаря матери Матвея. Интересно, зачем явилась Оксанка и где так долго бродила под дождем – ведь невозможно промокнуть насквозь и замерзнуть до синих губ, просто выйдя из такси.

– Деля, можно, я у вас переночую? – появившись на пороге кухни с тюрбаном из полотенца на голове, жалобно проговорила она.

– Ну, не выгоню же я тебя на улицу, ночуй, конечно. Только объясни, что случилось. – Я взяла сигарету, села к окну и закурила, мысленно настроившись на долгий разговор – по-другому с Оксаной быть не могло.

Она устроилась на стуле, подперла руками голову и молчала. Этого молчания внезапно стало так много, что, казалось, его можно потрогать, окунуть в него руки, почувствовать, как оно перетекает между пальцев. Мне не хотелось тянуть слова клещами, я давно дала себе слово никогда больше не делать этого – привычка подруги таким образом интересничать с мужчинами, которую она пыталась реализовать

и со мной, раздражала. Я докурила, налила чай в две чашки и, поставив одну перед Оксаной, сказала:

– Если не возражаешь, с ужином подождем, пока Матвей не вернется.

– А где он?

– В академии.

– Так ведь уже поздно.

– Ну и что?

Она покачала головой:

– Совсем не боишься?

– Чего?

Оксана вздохнула:

– Ты такая самоуверенная, Делька. Думаешь, нет никого лучше тебя?

– Даже наверняка есть. Ну и что?

– Мне бы твой характер, я бы далеко пошла. Ты никогда от мужиков не зависела.

– Ты снова хочешь об этом поговорить? Не надоело еще?

– Надоело. Но ничего ведь не меняется, понимаешь? Все время одно и то же, одно и то же... Мужики вроде разные, а результат один – жениться никто не хочет, сразу так и говорят – даже не думай об этом, никаких серьезных отношений, – пожаловалась подруга, опуская ложку с вареньем в чай. – И Колпаков такой же.

– Не хотелось напоминать, но, похоже, у тебя амнезия. Колпаков женат. Да и ты вроде как не свободна.

– Я в разводе. Мы просто живем вместе – ну, а как еще мне жить, где, с кем? На что?

– То есть Владыкин, как обычно, выполняет роль спонсора?

– Знаешь что? Я делаю для него, что могу. Но хочу от него уйти.

– Ты уже уходила от него. Зачем вернулась?

– Почему ты все время долбишь меня в больное место? – вспылила Оксана, отталкивая от себя чашку. – Ты ведь понимаешь, как мне плохо! Почему ты никогда меня не поддерживаешь?

– В чем? В твоих постоянных поисках? Никогда не поддерживу, потому что считаю, что ты ведешь себя непорядочно по отношению к Севе. Уйди от него и ищи нового, а не пользуйся Владыкиным, как залом для транзитных пассажиров.

– А ты за новой парой туфель босиком ходишь? – с вызовом парировала подруга.

Я поморщилась:

– Тебе не пятнадцать лет, чтобы цитировать эти пошлости из соцсетей. Есть элементарное человеческое достоинство. И еще – уважение к человеку, с которым ты много лет прожила. И благодарность за то, что он терпел твои выкрутасы.

– А ты не думала, что если бы не он, то у меня могла быть совсем другая жизнь?

– Но ты ведь сама его выбрала. Никто не принуждал. Мама твоя против была, но ты ведь не послушалась, вышла замуж?

Так почему теперь не уважаешь собственный выбор?

Оксана шмякнула на стол салфетку, которой вытирала слезы, и зло проговорила:

– Тебе никогда этого не понять. Знаешь почему? Потому что у тебя никогда не было проблем с мужчинами. Никогда! И то, что ты замуж вышла только ближе к сорока, ничего вообще не опровергает! У тебя всегда были мужчины, которые хотели на тебе жениться, помогать тебе, оберегать! Просто для тебя важнее была твоя чертова клиника! А меня никто не выбирал, понимаешь? Я всегда довольствовалась тем, что есть – только теми, кто хоть какое-то внимание на меня обратил! Да, у меня никогда не было таких мужчин, которые бы мне нравились, таких, каких я хотела! Только те, кто почему-то обратил внимание! Вовсе не те, на кого бы я сама его обратила! Ты не знаешь, как это – когда тебя не приглашают на свидания, не зовут куда-то отдыхать, не предлагают решить проблемы! Ты никогда меня не поймешь! Я и за Севку вышла потому, что он проявил хоть какой-то интерес, пусть минимальный, но все-таки. Но и он бы не женился, если бы я сама не предложила – вот тебе и вся правда! Так за что я должна быть ему благодарна, скажи? Я всю жизнь мщу ему за эту обиду, за это унижение! – Она заплакала, уронив голову на скрещенные руки.

Я взяла новую сигарету, приоткрыла окно и закурила. В том, что сказала Оксана, не было ничего нового. Она всегда относилась к себе вот так – как к товару, причем второго

сорта, постоянно сравнивая себя с остальными и делая вывод, что она хуже, что она недостойна того мужчины, которого на самом деле хотела бы. Именно заниженная самооценка заставляла ее хвататься за любого никчемного мужичка, который обратил на нее внимание, тут Оксана душой не кривила. Самое ужасное заключалось в том, что она и сама это понимала, но никак не хотела изменить ничего в себе. «Зачем? Пусть принимают такой, какая есть» – это стало для нее чем-то вроде жизненного девиза. А мужчины не хотели принимать ее – капризную, ленивую, постоянно что-то требующую и закатывающую истерики и скандалы на ровном месте, вымогающую внимание каждую секунду, пытающуюся заполнить собой все время, не оставляя ни секунды свободной. Попасть в такой капкан желающих не было, и я искренне не понимала, почему Оксана не осознает таких очевидных вещей.

– Ну, не рыдай, чего ты. – Дотянувшись, я погладила подругу по плечу. – Ты сама этот разговор начала, знала ведь, чем закончится. Все, Оксана, успокойся, не надо.

Наверное, она всласть рыдала бы еще, если бы не вернулся Матвей. Я пошла встречать мужа, а Оксана юркнула в ванную, чтобы умыть зареванное лицо.

– У нас гости? – бросив взгляд на стоявшие в прихожей туфли, спросил Матвей, с которого точно так же, как до этого с Оксаны, текла вода.

– Да, Оксанка заскочила, ночевать останется, ты не про-

тив, надеюсь? – принимая у него сумку и ноутбук в чехле, спросила я.

– Ну что ты... пусть ночует, места, что ли, не хватит. Случилось что-то?

– Понятия не имею, но похоже, что так и есть. Ревет, несет свою обычную чушь... похоже, опять с Севой разругались.

– Ну, то дело не наше, – заключил Матвей, разглядывая насквозь промокшую обувь. – Вот черт...

– А ты чего так долго?

– Думал пересидеть дождь, а надо было просто такси вызвать. Привет, Ксюха, – улыбнулся он мне за спину, увидев появившуюся из ванной Оксану. – Тоже вымокла?

– Привет, Матвей. Не то слово... я тут у тебя майку позаимствовала – ничего?

– Нормально. Ладно, девочки, я пойду погреюсь, а вы на стол набросайте чего-нибудь, – чмокнув меня в щеку, попросил Матвей.

– Да, сейчас. У меня готово все почти, только рыбу поджарить.

Пока Матвей принимал душ, мы с Оксаной успели накрыть на стол, пожарить рыбу, заварить свежий чай. Жестом фокусника Владыкина извлекла из своей огромной сумки в коридоре бутылку красного французского вина, чем обрадовала моего супруга:

– Молодец, соображаешь. Сейчас не помешает по бокальчику для профилактики простудных заболеваний.

– Для этого водочки бы лучше, – заметила моя подруга, усаживаясь за стол.

– Будешь? – предложил Матвей.

Оксана отрицательно затрясла головой:

– Да ты что! Я ж не пью такое, так, к слову пришлось.

За ужином Матвей рассказывал байки о своих студентах и выглядел таким увлеченным, что я даже на какое-то время перестала жалеть о том, что он занялся преподаванием – похоже, ему это действительно нравилось и приносило удовлетворение. Может, я ошибаюсь, думая, что счастье хирурга – в операционной? Может, учить других тому, что знаешь сам, это тоже призвание? Если судить по Матвею, то так и есть.

Постелив Оксанке на диване в кабинете, я пожелала ей спокойной ночи и ушла в спальню, так и не поняв, что же все-таки произошло с моей подругой. Но среди ночи, выйдя в кухню за водой, я услышала, что она не спит, а разговаривает с кем-то по телефону. Невольно замедлив шаг, я прислушалась и среди бормотания Оксаны четко различила фразу:

– Если ты обещаешь на мне жениться, я напишу всё, и бесплатно.

Надежда

Август

В дождь особенно хорошо спится. Мерный звук падаю-

щих на металлический подоконник капель словно убаюкивает, вымывает из головы все дурные мысли и навевает только дремоту. Раньше я всегда спала с открытыми окнами до наступления холодов, но теперь считала это не самой лучшей привычкой, хотя и жила на третьем этаже. Потому наслаждаться звуками дождя приходилось за закрытыми створками и опущенными плотными шторами. Мне снился отец в белом кимоно, он стоял ко мне спиной и говорил с кем-то, кого я не видела, так как фигура папы полностью закрывала его собеседника. Вдруг папа повернулся и строго спросил:

– Почему ты до сих пор лежишь? Вставай и выходи из квартиры, ты же тут задохнешься.

Я открыла глаза и вдруг с ужасом поняла, что на самом деле задыхаюсь – откуда-то из коридора тянуло дымом, он разъедал глаза и заполнял легкие. Господи, пожар! Я заметалась по комнате, пытаюсь одеться, схватила телефон, бросила его в сумку, которую всегда держала у изголовья кровати – там были все документы, и кинулась в коридор, схватилась за ручку и вдруг поняла – ручка холодная, значит, это горит не дверь, а что-то на площадке. Если резко открою дверь, могу усилить пламя. Самое умное, что пришло в голову, это позвонить в экстренную службу и выйти на всякий случай на балкон. Пожарные приехали быстро, вошли в подъезд и обнаружили рядом с моей дверью полыхающий в металлическом баке мусор. Никакого бака на площадке вечером не было. Потушив его, пожарные обошли подъезд, ничего боль-

ше не обнаружили, зато выразительно посмотрели на кроваво-красные надписи на стенах, и самый старший из них сказал:

– Вы бы в полицию обратились. Сожгут же. Бак – это предупреждение. Месяц назад одному должнику двери подпалили, квартира сгорела, хорошо еще, что сам жив остался.

– Спасибо, – пробормотала я. В полиции мне уже отказали, посоветовали просто вернуть долг. Как будто, будь у меня эти деньги, я бы без советов не разобралась, что и как сделать...

В квартире отвратительно пахло гарью, пришлось распахнуть все окна, поборов страх. Задохнуться тоже было страшно, даже страшнее, чем совершенно теоретическая возможность проникновения посторонних через окно. Но спать уже совершенно расхотелось.

Я включила ноутбук, сварила кофе, закуталась в теплый халат и плед и, усевшись за кухонным столом, открыла присланный автором текст. Сосредоточиться не удавалось, я то и дело ловила себя на пропущенных запятых, на невыправленных стилистических огрехах и в конце концов решила, что продолжать смысла нет. Не получилось и посмотреть сериал, я не могла вникнуть в сюжет, не понимала, о чем говорят герои, а потому выключила ноутбук, допила кофе и решила убрать квартиру. Конечно, в пять утра рановато, но мытье полов всегда меня успокаивало, и я никогда не понимала тех, кто говорил, что терпеть не может это занятие. Меня

чисто вымытые полы в квартире успокаивали и настраивали на позитивные мысли. Мама, кстати, для успокоения нервов всегда мыла окна...

К шести утра квартира блестела такой чистотой, что даже самый педантичный человек не нашел бы, к чему придраться.

– Говорят, это признак психического расстройства, – сообщила я своему отражению в зеркале. – Собственно, и разговаривать вслух в пустой квартире – тоже.

Я показала язык, отражение ответило тем же, и настроение мое как-то само по себе улучшилось. Наверное, прав тот, кто говорит, что выбираться из постели лучше всего задолго до рассвета, тогда день проходит лучше. Вот сегодня и проверим.

Неожиданно я почувствовала такую бодрость, какой давно уже не испытывала – наверное, со дня маминых похорон. День еще толком не начался, а я уже переделала кучу дел, отредактировала все, что обнаружила в своем рабочем ящике, отослала редактору, вычитала несколько глав брошюры, которую взяла на корректуру у какой-то подружки Иланы Григорьевны – она частенько подкидывала мне такого рода подработки, – даже сварила харчо. Нет, определенно, в ранних подъемах что-то есть. Вот если бы еще они не сопровождались поджогами мусорных бачков...

Но теперь мне совершенно нечем заняться до вечера, вот в чем проблема. А это значит, что я снова и снова буду об-

думывать все мыслимые и немыслимые выходы из сложившейся ситуации, хотя отлично понимаю, что их нет. Вернее, есть, один, и как раз тот, что труднее всего реализовать. Я должна выплатить все деньги, что задолжала моя мать. Но их у меня нет.

Когда привыкаешь жить в каждодневном кошмаре, то со временем начинаешь думать, что хуже уже ничего не будет. И вот тут жизнь преподносит тебе очередной сюрприз. Ровно в три часа дня ко мне приехали какие-то люди – мужчина и женщина – и через дверь сообщили, что моя квартира мне больше не принадлежит. Я оторопела настолько, что впустила их и через минуту уже держала в руках документы, из которых следовало, что квартира является залогом за очередной кредит в банке, который оформила моя мать. Об этом кредите мне ничего известно не было, я не могла еще разобраться с разными конторами микрозаймов, где долги тоже росли с космической скоростью, а тут еще и это...

– Но я... я ничего не знаю, – забормотала я, понимая, как жалко выглядят мои оправдания.

– Девушка, милая, я понимаю, такие новости всегда шокируют, – мягко сказала женщина, оказавшаяся юристом, – но поймите и нас. Выплат нет, кредит не погашается, мы вынуждены обратиться в суд. Это я еще по-человечески хотела, чтобы не сразу повесткой огорошить.

– Но... мама умерла, понимаете? – Я метнулась в комна-

ту, принесла свидетельство о смерти, стала совать его женщине. – Вот смотрите... видите? Мамы нет, а я ничего у вас не брала...

– Я очень вам сочувствую. Но по закону...

– По какому?! По какому закону вы хотите выбросить меня из квартиры, где я родилась?!

– Ваша мама подписала документы, в которых все ясно сказано, – мгновенно став чиновницей, а не человеком, механическим голосом произнесла юрист. – Всего доброго.

Они вышли, а я опустилась на пол и завывала. К такому повороту событий никто не бывает готов. Казалось бы – куда уж фиговее... а вот сюда, сюда, располагайтесь.

Игорь

Пластическая хирургия оказалась даже увлекательнее его прежней специализации. Наверное, все дело было в наглядности – видеть, как в результате твоей работы лицо человека принимает прежний облик или становится лучше, чем было.

В каком-то смысле Игорь чувствовал себя творцом – исправлял врожденные дефекты, улучшал то, что создала природа, а значит, был как бы над ней, чуть сверху.

Это оказалось весьма опьяняющим ощущением, и после проведенной операции Игорь чувствовал такой небывалый подъем и прилив энергии, что неожиданно для себя начал после работы заезжать в спортивный клуб и пару часов зани-

маться там на тренажерах. Прежде ему и в голову подобное не пришло бы, да и сил совершенно не оставалось.

Постепенно он привык и клинике, и к порядкам в ней, и к тому, что приходится довольно далеко добираться. Новое ощущение себя, новое чувство, заполнившее его, с лихвой компенсировало маленькие минусы, даже если они и были. Авдеев вновь обрел уверенность в своих силах, вновь почувствовал себя хирургом.

Даже беседы с психологом перестали его пугать. От природы внимательный и обладавший отменной памятью, Игорь быстро понял, каких вопросов стоит опасаться, а потому научился реагировать на них спокойно. Судя по тому, что отношение к нему Драгун никак не изменилось, а оперировать самостоятельно ему доверили, Игорь сделал вывод, что все проверки он прошел. Это словно сняло с души камень, Авдеев будто обрел возможность дышать полной грудью и делать то, что у него, оказывается, получалось не хуже, чем у всех.

Тяжело было только в детском отделении. Игорю становилось не по себе при виде малышей с врожденными или приобретенными пороками внешности. К счастью, это отделение было епархией самой Драгун или доктора Сивцова, а Игорю доводилось наведываться туда только в дни дежурств. Оперировать детей ему пока не доводилось, да он и не рвался.

Словом, та жизнь, которая, как ему казалось, рухнула па-

ру лет назад, теперь вроде бы налаживалась. Если бы не сны. Избавиться от кошмаров Авдееву так и не удавалось, они посещали его довольно регулярно, хоть и не часто. После таких ночей Игорь чувствовал себя разбитым и с большим трудом скрывал свое состояние от внимательных глаз коллег. Старался по возможности перенести операции, если они были назначены, не хотел, чтобы по его вине что-то случилось с пациентами, так что проще было сказать больным.

«Нельзя, чтобы это помешало мне работать, – ожесточенно думал Авдеев, наматывая по вечерам километры на велотренажере. – Я с таким трудом преодолел все, ну, почти преодолел... Я не могу это потерять, не могу, это дело всей моей жизни, я ничего больше не умею и не хочу уметь».

Домой в такие моменты тоже не хотелось. Там почему-то острее ощущался весь тот кошмар, что он пережил. Но менять место жительства Игорь не хотел, хотя, если бы спросили, не смог бы внятно объяснить причину.

Дверь одной из трех комнат была плотно закрыта и заперта на ключ, туда Авдеев заходил лишь раз в месяц, чтобы сделать тщательную уборку. Потом долго стоял под струями воды в душе, словно смывая с себя пыль вместе с воспоминаниями.

Худенькая светловолосая девушка появилась в клинике в его дежурство. Именно Авдеев должен был оформить ее документы, записать жалобы, собрать анамнез и назначить пер-

вичные анализы и консультации. Но тут на пороге кабинета появилась Драгун:

– Игорь Александрович, вы свободны. Я сама займусь клиенткой.

Авдеев хотел было возразить, но вовремя одумался и вышел из кабинета, бросив с порога взгляд на сидевшую под выключенной лампой девушку. Она оказалась немного старше, чем он решил, увидев ее в коридоре. Но главное было не в этом. Игоря словно прошило током, когда он понял, кого она ему напоминает. И, может, даже лучше, что вмешалась Драгун и забрала ее себе.

Аделина

Сентябрь

Утром Оксанка выглядела совершенно больной – красные глаза, насморк, хриплый голос, тяжелое дыхание. Я решительно запретила ей уезжать, велела остаться в постели и пообещала приехать пораньше – день был не операционный, так что я вполне могла себе позволить уехать.

– Малиновое варенье на столе оставила, – инструктировала я из прихожей. – Есть захочешь – не стесняйся, холодильник не на замке. Только холодное постарайся не пить и не есть.

– Ну что я, маленькая? – хрипло отбивалась прислонившаяся к дверному косяку подруга.

– Это на всякий случай. Таблетки тоже на столе, если температура поднимется – выпей.

Я умолчала о том, что, помня об Оксаниной привычке демонстративно совершать суицидальные попытки, забрала из аптечки все, что могло бы ей в этом помочь. Острых предметов она боялась, а вот с таблетками запросто могла поэкспериментировать в очередной раз.

– И если тебе станет хуже – сразу позвони мне.

– Да ну – обычная простуда, – прохрипела она. – Полежу, посплю, пройдет. Ты извини, Деля, что я вот так на вас свалилась...

– Прекрати. К кому тебе еще идти? Все, Оксана, ложись, я побежала, Матвей ждет.

Мажаров сегодня консультировал в моей клинике, я все-таки сумела настоять на своем, в душе надеясь, что эти еженедельные консультации могут разбудить в муже желание снова вернуться в операционную. Пока мой хитрый план не работал, но от консультаций Матвей не отказывался, и это было уже хоть что-то.

Муж курил у машин, задумчиво глядя на окна дома. Дождя не было, но скорее это просто небольшой перерыв – все небо затянуто тучами, и похоже, что днем нас ждет вторая волна потопа. Но я, наученная вчерашним, прихватила и зонт, и резиновые сапоги, которые бросила в багажник под одобрительный смех Матвея:

– Основательно. Я вот об этом не подумал, можно было

рыбацкие взять.

– Ты когда на рыбалке-то был?

– А сапоги у матери лежат. Ну, ты готова? Можем ехать?

– Можем.

– Только не гони особенно, дорога мокрая.

– Слушаюсь, мой господин.

Я села в свою машину и первая выехала из двора – Матвей всегда предпочитал ехать следом, словно подстраховывая. Я вожу машину хорошо, но мужу, разумеется, этого не докажешь.

На выезде из города образовалась огромная пробка, что вообще-то было странно для этого участка – в будний день машин из города не так много. Телефон на панели завибрировал, я включила громкую связь – звонил Матвей:

– Случилось что-то, наверное. Простоим не меньше часа.

– У тебя первый осмотр в десять, ты успеешь. А вот я, пожалуй, удивлю коллег опозданием.

– Ничего, переживут.

Опаздывать я не любила, пунктуальность являлась одним из моих, как я сама считала, положительных качеств. Потому, закончив разговор с мужем, я сразу позвонила своему заместителю Василькову:

– Дядя Слава, я в пробке на выезде стою, если что – без меня планерку проведешь?

– Без проблем. Мажаров с тобой?

– Да. Но у него в десять консультация.

– Я помню. Тут еще внеплановый случай, хотел, чтобы он тоже посмотрел.

– Ну, придется подождать. А что там?

– Неудачная ринопластика, спинка носа провалилась.

– Извинись и попроси подождать, хорошо?

– Разберусь, не волнуйся.

Василькова я знала очень давно, еще с тех пор, как мне было лет двенадцать – он пытался ухаживать за моей мамой, когда ушел отец. И всю мою жизнь дядя Слава как-то очень деликатно был рядом, поддерживал, помогал советом. Он, в отличие от мамы, в меня верил и считал, что врачом я стану хорошим. Когда я открыла клинику и предложила ему место своего заместителя, дядя Слава не колебался ни секунды, и с тех пор у меня всегда был надежный тыл. Правда, оперировал он теперь все меньше – все-таки возраст, но реабилитацией пациентов занимался успешно, а также замещал меня на время отпуска, который я после замужества начала наконец использовать. Васильков не любил бумажной работы, но во всем остальном я могла положиться на него и ни о чем не беспокоиться.

Снова начался дождь, поток машин двигался со скоростью хромой черепахи, я начала нервничать – ненавижу ждать, догонять и опаздывать. И особенно ненавижу ехать со скоростью два метра в час. Ко всем прочим несчастьям закончились сигареты, в бардачке новой пачки не обнаружилось – ну, а как же, если я вчера не заезжала в магазин? Похоже, что

до клиники я больше не закурю, и это заставляло нервничать еще сильнее. Я в очередной раз начала копаться в бардачке, словно надеясь отыскать среди бумаг, салфеток и еще какого-то хлама хотя бы одну сигарету, когда в окошко машины постучали. Я подняла голову и увидела сотрудника ГИБДД в накинутом на фуражку дождевике:

– Мы ищем врача.

– Что случилось? – сразу забыв об отсутствии сигарет, спросила я, опуская стекло.

– Впереди авария, там беременная, кажется, роды начинаются, а «Скорая» где-то застряла.

– В следующей машине мой муж, он тоже хирург, зовите его, я сейчас.

Сотрудник обрадовался:

– О, повезло! Обошел столько машин – никого, а тут сразу двое.

– Ну, мы не акушеры, конечно, но сделаем, что сможем.

Я вышла из машины, намотав на голову прихваченный из дома палантин. Не помогло, но хоть что-то. Зато оченьгодились сапоги. Матвей, натянув на голову капюшон ветровки, уже спешил за сотрудником ГИБДД, прихватив аптечку. У него-то в ней явно побольше всего, не то что у меня... Привычка возить с собой даже стерильный упакованный скальпель всегда удивляла меня. Но Матвей не обращал внимания на шутки по этому поводу.

Машина, в которой зажало беременную женщину, пред-

ставляла собой довольно жуткое зрелище. Водительского места не было вообще – на эту сторону пришелся удар вылетевшей на встречную полосу машины. Женщина сидела сзади, это и спасло ей жизнь, хотя креслом прижало ноги. Матвей сразу попросил окруживших машину людей отойти и не мешать нам. Следующим этапом стала дверь, которую сотрудники ГИБДД оторвали, чтобы дать нам больше места. Я забралась в искореженную машину и взяла женщину за запястье. Она застонала и попыталась пошевелиться.

– Тихо-тихо, не шевелимся, – велела я негромко, пытаюсь посчитать пульс. – Как вас зовут?

– Ира...

– Отлично. А я Аделина Эдуардовна. Я врач, мой муж тоже, мы вам поможем. Какой у вас срок, Ира?

– Тридцать восемь... – выдохнула она и заплакала: – Больно...

– Где больно?

– Ноги...

– А живот? Живот не болит, не тянет?

– Вроде нет...

Матвей тем временем осматривал придавленные ноги Иры и то и дело качал головой.

– Чувствуете? – Я видела, что он просунул руку в какую-то щель между креслом и ногой женщины.

Она отрицательно покачала головой:

– Болит колено.

Понятно, ниже колена чувствительности нет, это плохо. Но пульс вроде нормальный, схваток нет – уже повезло. Роды нам сейчас вообще ни к чему, хотя срок вполне достаточный. Матвей поманил меня пальцем, и я стала выбирать-ся из машины, но Ира схватила меня ледяными пальцами за запястье:

– Не уходите... пожалуйста...

– Я не уйду, не волнуйтесь, мы вас не бросим. Я только попрошу что-нибудь теплое, вам холодно. Сейчас вернусь.

Попросив молодого парня, крутившегося поблизости, найти что-то, чем можно укрыть Иру, я подошла к Матвею:

– Дело плохо?

– Да, правая нога сломана, похоже, со смещением, и отломок где-то пережимает сосудисто-нервный пучок, в стопе нет пульса. Еще немного – ногу не спасти. Тут не «Скорая», тут МЧС нужно.

– Может, попробовать самим кресло вывернуть?

– С ума сошла? У нее может начаться кровотечение, у нас ни инструментов, ни крови. Мы не можем рискнуть и ею, и ребенком. Надо ждать, выхода нет.

Я повернулась к старшему наряда:

– Во сколько вызвали «Скорую»?

– Да уже минут сорок.

– Ну, так еще раз попробуйте! Женщина ногу потеряет.

– Тут вертолет нужен, а погода-то...

– При чем тут погода?!

– Вряд ли разрешат вылет.

– Хорошо...

Я вынула телефон и позвонила своему давнему поклоннику, главному хирургу города, с которым после замужества умудрилась поддерживать хорошие отношения.

– Гриша, это Драгун. Мне нужна помощь, немедленно. На восточном выезде из города авария, тут в машине беременная на тридцать восьмой неделе, ноги зажаты креслом, в правой стопе уже нет пульса, там, похоже, перелом со смещением. Мы с Матвеем сделать ничего сложного не можем. Бригады нет уже сорок минут. Помогите, пожалуйста, нужен вертолет и специалисты из МЧС.

– Делька, а ты не умеешь никуда не влипнуть по дороге на работу, а? – поинтересовался Григорий.

– Мне некогда вести светскую беседу, Гриша. Молодая женщина рискует потерять ногу. Позвони, а?

– Да, сейчас все сделаю. Пусть Мажаров наблюдает за состоянием стопы, если возможно.

– Спасибо, Гриша.

Я положила телефон в карман и вернулась в машину. Ирина то теряла сознание, то снова приходила в себя. Я положила руку на ее живот, но, к счастью, схватки так и не появились, про себя я почти молилась, чтобы этого не произошло хотя бы до тех пор, пока не прибудет дополнительная помощь. У противоположной двери на корточках сидел Матвей, просунув руку в щель под сиденьем. Лицо мужа хмури-

лось с каждой секундой.

– Что? – негромко спросила я.

– Похоже, ты права, надо вытаскивать ногу. Если сделаем все быстро и наложим шину, можем восстановить кровоток.

– А если там разрыв сосуда?

– Деля, нет выхода.

– А если роды начнутся?

– Если мы будем тут в угадайку играть, она останется без ступни, – тихо огрызнулся Матвей, вставая, и я сочла за благо не спорить больше – он все-таки видел подобных травм больше, чем я. – Иди сюда, – велел муж, и я, снова выбравшись под дождь, обошла машину. – Поищи что-нибудь, чем можно будет плотно зафиксировать два сустава. Что-то длинное и не очень широкое. Бинты есть в аптечке.

Я растерянно оглянулась, и тут мой взгляд упал на стоявший через три машины джип, на крыше которого были укреплены длинные доски. Подбежав к машине, я застучала в стекло. Водитель сразу понял, в чем дело, и предложил:

– У меня в машине еще две упаковки ламината, там покороче плашки. Может, его лучше?

– Да, будет идеально. Спасибо вам.

– Может, надо чем помочь? – вынимая из упаковки две коричневые плашки, спросил он. – У меня есть ножовка, пила по металлу...

– О, господи, да что ж вы молчите?! – заорала я, не помня себя от радости. – Берите все скорее, будем сиденье отпили-

вать.

Когда я вернулась к Матвею в сопровождении водителя джипа, вооруженного ножовкой и пилой, у Мажарова про-светлело лицо:

– Ну, все, теперь точно получится.

Водитель джипа Виктор под руководством Матвея принялся подпиливать сиденье, а я, держа наготове бинты и жгут, готовилась извлекать ноги Ирины. Когда Матвей убрал отпиленное кресло, я увидела картину довольно страшную – правая нога женщины была багрово-синюшной, неестественно вывернутой влево. Пульса на стопе не было, но и открытого кровотечения – тоже. Ирина застонала, очнувшись.

– Может, ей обезболивающее сделать? – предложила я.

– У меня только кетонал, его нельзя на ее сроке беременности. Я постараюсь аккуратно репозицию сделать.

– Матвей, а если не получится? – перехватив его руку, прошептала я.

– Ты совсем в меня не веришь, – улыбнулся ободряюще муж. – Я не стал бы делать то, в чем не уверен. А теперь иди к ней, возьми за руку, говори что-то, отвлекай. Ей будет очень больно, но потом станет легче.

В тот момент, когда Матвей резким движением вернул стопу Ирины в нормальное положение, она издала такой крик и с такой силой впиалась пальцами в мою руку, что я испугалась. Но через пару минут она уже дышала ровнее и все повторяла:

– Почему колено? Колено почему?

На колене была неглубокая рваная рана – видимо, что-то острое лежало в кармане чехла на спинке кресла, но никакой опасности она не представляла.

Матвей наложил шину, забинтовал и колено, обработав его перекисью. И только теперь мы услышали звук приближающегося вертолета. Я почувствовала, как у меня внутри словно расслабилось что-то – теперь все будет в порядке, Ирину отвезут в больницу и там окажут всю помощь, которая требуется. Она вдруг снова сжала пальцы на моей руке и спросила:

– А муж? Где мой муж?

Я не знала ответа на этот вопрос, хотя догадка посетила меня сразу, едва я увидела отсутствующее водительское сиденье. Похоже, Ирина от удара потеряла сознание и не поняла, что мужа больше нет.

– Все будет хорошо, – пробормотала я, уступая место прилетевшему врачу.

Матвей разговаривал со вторым врачом, я не слышала слов, у меня вдруг все поплыло перед глазами, и я, пошатнувшись, схватилась рукой за машину, чтобы не упасть. Нужна была сигарета, чтобы хоть немного привести себя в равновесие. Я не чувствовала, что насквозь промокла, что с волос капает, что плащ уже не защищает, а наоборот – давит своим весом на плечи, пропитавшись водой. У меня кружилась голова, сбивалось дыхание, перед глазами мелькали

мелкие точки. Никогда прежде я не могла бы и подумать, что, будучи хирургом, испытаю подобное при виде автодорожной аварии.

– С вами все в порядке? – С другой стороны машины появился водитель джипа Виктор, который помог нам вызвать пострадавшую.

– Да-да... простите, у вас сигаретки не найдется? – спросила я охрипшим голосом.

Он протянул мне пачку и помог прикурить. После первой же затяжки я почувствовала, как отпускает, даже, кажется, голова стала кружиться меньше.

– Вот ни за что бы не смог врачом работать, – сказал Виктор, притулившись рядом со мной. – Каждый день такое видеть...

– Я бы тоже не смогла, – механически отозвалась я.

Он удивился:

– Так вы вроде врач.

– Я пластический хирург, у нас по-другому всё.

Звук взлетающего вертолета отвлек нас от разговора, а вернувшийся Матвей, оглядев меня, покачал головой:

– И как ты машину вести собираешься?

– Как обычно. Сейчас все пройдет.

– Ты бы в салон села, хоть отогреешься немного. Там эвакуатор подошел, сейчас уберут с дороги остатки, и можно ехать.

Я обманула мужа. Странное состояние, охватившее меня,

не прошло даже в клинике, куда я доехала каким-то чудом, потому что практически не видела дороги и не разбирала, где и как еду.

Надежда

Август

– И что – совсем ничего нельзя сделать?

Лицо Светки выражало готовность немедленно помочь, но вот чем, она, разумеется, не знала. Как не знала этого и я. Квартиру отберут, тут даже сомневаться не приходится – банк государственный, все документы в порядке, мама – единственный собственник, могла делать, что захочет. А я теперь останусь на улице. Тех денег, что есть у меня в записке, хватит на оплату одного месяца съема, а что потом? Зарплата не позволяла снимать жилье, нужно либо искать еще какие-то подработки, либо... ну, я не знаю – на чудо надеяться, на волшебника в голубом вертолете.

– Может, попытаться оспорить? – робко предложила Светка.

– Что оспорить? Там все законно, это ж тебе не частная контора. Да и я, по сути, в этой квартире только прописана, у меня даже доли не было.

– Как вообще получилось, что ты ничего не знала? Надя, я никогда не спрашивала, считала, что это не мое дело, но теперь, когда все так далеко зашло... как ты могла не знать,

что она берет эти заемы, оформляет кредиты? А главное – зачем, куда она их тратила?

Говорить на эту тему совершенно не хотелось – это было так мучительно стыдно, словно Светка требовала от меня признаний в непристойностях.

– Она играла в покер. Проигрывала, конечно. Я сперва не знала, а потом начались визиты каких-то странных людей, какие-то угрозы. Она начала прятаться, менять телефонные номера. А потом, видимо, поняла, что все бесполезно.

Я изо всех сил ущипнула себя под столом за бедро, чтобы не расплакаться, но это не помогло. Я так давно не давала воли своим эмоциям, что уже ничего сейчас не помогло бы. Светка совсем растерялась, глядя на мою истерику, – она не знала, как вести себя в подобных ситуациях, потому что уж кто-кто, а я таких фортелей никогда не выкидывала.

– Надюшка... Надюшка, ну, что ты... – Она подвинула табурет, обняла меня за плечи и попыталась развернуть к себе лицом, но я вырвалась – мне было стыдно за то, что подруга видит меня такой. – Что толку рыдать? Надо что-то придумывать.

– Что? Что тут можно придумать? – провыла я, спрятав лицо в ладонях. – Буду жить в парке на лавке.

– Ну, конечно! Тебе же пойти-то некуда! – возмутилась подруга. – У нас пока поживешь, это не обсуждается.

– Вот именно – не обсуждается, потому что я не буду у вас жить, это совершенно исключено. Я взрослый человек, я

сама должна решать свои проблемы, а не переваливать их на тебя и твою не особенно здоровую маму.

– Ты, Надежда, бываешь удивительно бестактной, – вздохнула Света, отодвигаясь от меня. – Я не прошу благодарности, я просто предлагаю помощь – безвозмездно, знаешь такое слово? А ты изо всех сил отпихиваешь эту помощь, думая, как и чем будешь за нее потом платить. А мне обидно...

– Света... да я же не то... – залепетала я, хватая подружку за руку, потому что поняла, что сейчас она уйдет. – Мне стыдно, понимаешь? Только поэтому...

– Ты слишком, Наденька, гордая. А иногда это вредно. Вот как сейчас. Надо думать, что, например, с вещами делать – их-то не заберут, куда всё денешь?

– Здесь ничего ценного. Технику продам, кое-что в гараж вывезу. Хотя нет – гараж тоже можно продать, как я раньше не догадалась... Надо объявление дать быстрее, у нас место хорошее, гараж капитальный, найдутся покупатели... – забормотала я, одной рукой потянув к себе ноутбук, а другой отодвигая пустые чайные чашки и сахарницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.